

DOI 10.21672/1818-510X-2019-60-3-066-072

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ⁴

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
E-mail: nvgrishin@mail.ru

Оценивается роль государства как субъекта формирования идентичности. В современной научной литературе не раскрыты перспективы основных субъектов процесса формирования идентичности. Данная проблема обладает практической значимостью в современной России, поскольку в 2016–2018 гг. были приняты нормативно-правовые акты, которые закрепляют за государством выполнение задач по формированию общероссийской гражданской идентичности. В современной науке существуют значительные лакуны в изучении перспектив и методов государственной политики в сфере формирования идентичности. Определены условия и ограничения участия государства в политике формирования идентичности. Выявлено, что теория национализирующих государств Р. Брубейкера стала первой попыткой теоретической интерпретации участия государства в формировании национальной идентичности. Раскрыты особенности российской модели государственной политики формирования идентичности. Эффективность государственной политики в направлении формирования идентичности требует уточнения в постановке достижимых целей, конкретизации индикаторов и мероприятий.

Ключевые слова: политика формирования идентичности, формирование идентичности, государственная национальная политика, общероссийская гражданская идентичность, национализирующее государство

A STATE AS AN ACTOR OF IDENTITY CONSTRUCTION POLICY

Grishin Nikolai V., Sc. D. (Policy), Professor
St. Petersburg State University
1/3 Smolnogo St., St. Petersburg, 191124, Russian Federation
E-mail: nvgrishin@mail.ru

The article evaluates the role of a state as a subject of identity construction policy. The prospects of the main actors of identity construction are not disclosed in contemporary scientific literature. This problem has practical significance in modern Russia, since in 2016–2018 there were adopted normative legal acts that entrust the state authorities with the fulfillment of tasks related to the formation of a nationwide civic identity. In science, there are significant gaps in the study of the prospects and methods of state policy in the field of identity construction. The article defines the conditions and limitations of state participation in the policy of identity formation. It is revealed that the theory of nationalizing states of R. Brubaker was the first attempt to theoretically interpret the state participation in the construction of national identity. The features of the Russian model of state policy of identity formation are revealed. The effectiveness of state policy in the field of identity construction requires clarification in the formulation of achievable goals, specification of indicators and measures.

Keywords: identity construction policy, identity construction, identity formation, nationalizing state policy, governmental policy

В современных исследованиях формирования идентичности значительное внимание учёных привлекают вопросы «Что формируется?» (т. е. сама идентичность) и «Как формируется?» (т. е. формы и модели ее формирования). В тени внимания остается вопрос «Кто формирует?», т. е. проблема уточнения роли отдельных субъектов и агентов процесса формирования идентичности.

Роль государства как субъекта политики формирования идентичности на теоретическом уровне пока не рассматривалась, хотя в отечественной и зарубежной научной литературе эта роль обозначается и признается [5; 7]. Можно предположить, что наука только подступила к решению этого вопроса. В частности, в статье В. Н. Лукина и Т. В. Мусиенко «Формирование идентичности как государственная задача» [6], несмотря на её название, речь скорее идёт о проблеме формирования идентичности как о задаче государственной важности, нежели рассматриваются собственно перспективы деятельности государства в этом направлении регулирования. В современной науке представлен только анализ отдельных единичных кейсов

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете. (The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization of Electronic Information Technologies within the framework of the implementation of the scientific project No. 19-011-31616 "State policy in the field of identity formation: conceptual foundations, technologies and prospects" at St. Petersburg State University.)

деятельности правительств и государств по формированию идентичности, в частности, на примере Сингапура и постсоветских стран [4; 9]. Примерно на таком же начальном уровне находится степень изученности роли других субъектов процесса формирования идентичности, например научного сообщества [18].

Государство как особый субъект политики формирования идентичности требует специального осмысления. В исторической перспективе происходит расширение функций государства, появляются новые отрасли и направления государственного регулирования. Этот процесс существенно различается в зависимости от культурно-исторических и цивилизационных условий. Государственная власть во многих странах мира выступает активным субъектом политики формирования идентичности граждан.

Существует явное несоответствие между практикой государственного участия в формировании идентичности и степенью её осмысления в научной литературе.

Задачей настоящей статьи является постановка проблемы изучения роли государства как субъекта политики формирования идентичности, рассмотрение методологических и теоретических предпосылок постановки данной проблемы, рассмотрение перспектив и ограничений возможностей государства в реализации политики по формированию идентичности.

В России эта проблема обладает особой практической значимостью, поскольку в 2016–2018 гг. за государством было формально закреплено решение задач по формированию общероссийской гражданской идентичности. Органы государственной власти ставят задачи по влиянию на процесс формирования идентичности, при этом возможности, формы и ограничения такого влияния на теоретическом уровне не изучены. Осмысление этих возможностей необходимо для обеспечения эффективности управленческих усилий в данном направлении.

Проблема государственного фактора в свете современных тенденций исследований идентичности. Методологические ориентиры современных исследований идентичности не благоприятствуют изучению роли государства по реализации политики формирования идентичности. Формирование идентичности, как правило, рассматривается либо в контексте общесоциальных процессов воспроизводства общности («восприятия идентичности»), либо субъективных процессов социализации личности («обретения идентичности»).

Даже терминологический аппарат современных исследований идентичности не содержит адекватных понятийных средств для изучения государственной политики в этом направлении. В частности, англоязычный термин *identity formation* применяется, как правило, в социально-психологическом смысле как субъективный процесс формирования идентичности отдельной личности.

Концепт «конструирования идентичности» (*identity construction*) предполагает рассмотрение проблемы формирования идентичности не в субъективном, но в объективном и социальном контексте как процесс воздействия среды (культуры, общества и т. д.) на становление идентичности. Однако роль конкретных субъектов в процессах «конструирования идентичности» почти никогда не рассматривается. Почти все многочисленные исследовательские работы по «конструированию национальной идентичности» практически не затрагивают роль государственной политики.

Рассматриваемой нами проблеме, как может показаться, наиболее близок распространённый англоязычный термин *identity politics*, однако он применяется для рассмотрения деятельности совокупности разнообразных акторов по формированию идентичности, при этом роль государственной власти и правительства обычно остается на периферии внимания.

В англоязычной литературе отсутствует термин, подходящий для обозначения государственной политики по формированию идентичности. Интересно, что предложение такого термина исходит от представителя отечественной науки. В 2016 г. российский исследователь Е. С. Задворная предложила использование термина *identity construction policy* для анализа деятельности правительства Японии по вопросам конструирования идентичности [2].

В зарубежной науке политика идентичности традиционно рассматривается в контексте “politics”, а не “policy”. Данная ситуация сложилась под влиянием многих исследований, в том числе классической книги Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» [10].

Современный теоретик Н. Слокам-Брэдли для анализа вопросов конструирования идентичности предлагает теорию позиционирования, которая исходит из приоритета дискурса [16],

т. е. опять-таки описывает отношения "politics" и малоприменима для выявления роли государственной власти.

Теория национализирующих государств Роджерса Брубейкера. Значительный вклад в развитие теоретических предпосылок для изучения государственной политики в сфере формирования идентичности сделал американский исследователь Роджерс Брубейкер, предложивший в 1990-е гг. концепт «национализирующей государственной политики» ("nationalizing state policy"). Рассматривая ситуацию в постсоветских и постсоциалистических странах, он пришёл к выводу, что правительства некоторых из этих стран проводят целенаправленную политику формирования национальной идентичности; данные государства были названы «национализирующими государствами». Р. Брубейкер определяет «национализирующее государство» как государство, в котором «доминирующие элиты способствуют языковой, культурной, демографической и политической гегемонии титульной нации» [11].

Концепт национализирующих государств получил значительное распространение в науке. В наибольшей степени он стал популярен при исследовании таких стран, как Украина, Грузия, Армения и Азербайджан, но почти не применялся по отношению к России.

С одной стороны, теория Брубейкера находилась в русле сложившейся к этому времени исследовательской традиции разделения идентичности «гражданского Запада» и «этнического Востока» и соответствовала интерпретации особенностей политики идентичности на условном Востоке. С другой стороны, работы Брубейкера стали прорывом, поскольку вывели государство в качестве основного субъекта формирования идентичности [12]. Любопытно, что многими его критиками данное новшество не было услышано. В частности, британский эксперт украинского происхождения Тарас Кузио, возражая против его теории, утверждал, что не только на Востоке, но и в странах Запада происходило формирование этнической идентичности, хотя и значительно раньше [14]. Но тем самым Т. Кузио возвращал разговор из плоскости "policy" (в чём заключалась главная новая идея Р. Брубейкера) обратно в плоскость "politics".

Нельзя не согласиться с Т. Кузио в том, что большинство западных стран также прошли в своей истории период «национализации», т. е. процесса обеспечения доминирования титульной нации. Но методологическое преимущество и новизна подхода Р. Брубейкера состоит в том, что на современном этапе именно государство становится основным субъектом проведения этой политики. В западных же странах в XIX–XX вв. эта цель достигалась иными способами.

Условия реализации государственной политики в сфере формирования идентичности. Государство как основной институт политической системы на протяжении всей человеческой истории влияло на формирование социальной идентичности населения. Как отмечает А. Г. Санина, государство создает нацию, ... «формируя единый национальный рынок, денежную систему, общее пространство языка и законодательства, развивая бюрократическую структуру и армию, защищающую интересы страны» [8].

Модель национального государства, очевидно, в наиболее идеальных чертах воплощает возможности государственной власти по обеспечению политического, культурного и этноконфессионального единства народа. В науке достаточно хорошо изучены примеры формирования национальной общности в условиях существующих государственных границ. Но даже если появление суверенного государства предшествует по времени формированию нации, это не означает, что нам вполне ясно, какие именно целенаправленные действия государственной власти могут способствовать данному процессу. В современной науке пока не изучен вопрос, как возможно создание нации в результате целенаправленной деятельности государственных институтов. Известные нам примеры развития национальной идентичности не были результатом реализации каких-либо специальных государственных целевых программ, деятельности министерств и т. д. Даже в случае детального изучения мер и механизмов влияния государства на формирование идентичности мы не можем быть вполне уверены, что эти меры будут эффективны при проведении целенаправленной политики.

Реалии современного мира существенно меняют условия для формирования коллективной идентичности. Американский теоретик Ф. Фукуяма отмечает, что «культура экспрессивного индивидуализма ... распространилась и в сфере социальных норм, где привела к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи, соседей и нации» [17]. По нашему мнению, современная теория и практика не нашла достойного ответа на этот фундаментальный вызов современности, который способен перевернуть культуру идентичности.

Разумеется, этот вызов немного приглушен в странах с высокой степенью замкнутости, но и эти исключения, конечно, не способны защитить от прогресса и тех изменений, которые несёт с собой глобализация. Новые средства коммуникации полностью меняют привычные для человечества социальные и политические пространства, они не только разрушают старые типы связей, но и посредством создания новых связей могут быть основой для возникновения новых видов социальной общности и новых видов идентичности.

Вероятно, наибольшее искушение и самый простой (но не самый лёгкий) выход для органов государственной власти в современных условиях – выступать проводником консервативной тенденции, попытаться сдержать «деструктивные последствия» прогресса. Однако здесь возникают новые вопросы – насколько государственная политика поддержания традиционной идентичности вообще может быть эффективной, и если да, то не повлечёт ли она за собой других проблем в виде осложнения интеграции населения в новое социальное пространство.

Важнейший вопрос, который должен стоять перед государством в сфере идентичности, – это вопрос о достижимости и реальности поставленных задач. Даже относительно «традиционные» виды социальной идентичности эволюционируют. Следовательно, даже консервативная государственная политика по сохранению идентичности может быть эфемерной и служить несуществующим фетишам. Идентичность – понятие весьма абстрактное, и требуется выяснить, по каким конкретным и измеримым индикаторам можно о ней судить. Такая конкретизация, по нашему мнению, обязательно должна предшествовать государственной политике в сфере формирования идентичности. Общий объём бюджетных ассигнований на реализацию подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России» только в 2019 г. составляет 374,5 млн руб. Однако вопрос о том, насколько предусмотренные программой мероприятия будут способствовать поставленной цели, не был исследован достаточно внимательно.

Ограничения государственной политики в сфере формирования идентичности. Вопрос об ограничениях возможности государства при проведении политики по формированию идентичности на теоретическом уровне не рассматривался. На практическом же уровне представители государства избегают делать смелые заявления относительно возможностей государственной власти самостоятельно проводить политику формирования идентичности. Даже в тех случаях, когда отмечают ведущую роль государства в этом направлении, указывают на необходимость активного участия иных субъектов. В частности, глава российского государства на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани 31 октября 2016 г., говоря о работе по формированию российской идентичности, отметил, что «требуется участие в ней всех уровней власти, политических партий, общественных организаций, в том числе религиозных и этнических объединений» [3]. В рамках российского понимания национальной политики формирование общероссийской идентичности – это задача «государственной важности», но не задача, в решении которой должно принимать участие только государственная власть.

В современной теоретической литературе также присутствуют скептические оценки относительно возможности государственной власти и правительства самостоятельно проводить политику формирования идентичности. Как отмечает исследователь политики конструирования идентичности в Сингапуре Стефан Ортманн, «невозможно представить, чтобы национальная идентичность продвигалась исключительно правящей элитой» [15].

Ограничения возможностей государственной власти при проведении политики конструирования идентичности могут различаться в зависимости от типов самой идентичности. Так, Л. Гринфелд ещё в 1992 г. выдвинул предположение, что этническая идентичность может продвигаться только авторитарными методами (в том числе правящими элитами), в то время как гражданская идентичность может конструироваться индивидуалистическим путём и даже либертарианскими методами [13]. Таким образом, современный этап развития политики идентичности и возрастающее значение гражданских форм идентичности предполагает расширение перспектив негосударственных акторов в процессах формирования идентичности.

Российская модель государственного участия в политике формирования идентичности. Россия обладает уникальным опытом государственной политики в сфере регулирования межнациональных отношений. Выступая пионером формальной институционализации данного направления государственного регулирования, уже в 1917 г. Советская Россия стала одним из первых государств мира, в котором в результате создания наркомата по делам национальностей происходит формирование специальной отрасли государственного регулирования. Одной

из задач наркомнаца стало наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти. Однако специфика отношения большевиков к национальному вопросу не позволяет рассматривать этот опыт как имеющий отношение к политике формирования общей идентичности.

Любопытно, что противоречия советской национальной политики, направленной на решение взаимоисключающих задач (развитие национальной культуры отдельных этносов и преодоление межнациональных различий) были унаследованы и в постсоветской России. С одной стороны, в постсоветский период истории России продолжали развиваться институциональные формы государственной политики в сфере национального вопроса: создаются отраслевые органы управления и консультативные советы, в 1996 г. появляется «Концепция государственной национальной политики РФ», само название которой служит признанием существования данного отдельного направления государственного регулирования. С другой стороны, содержанием государственной политики было не столько формирование общей идентичности населения России, сколько поддержка национальной культуры отдельных этносов, проживающих на территории страны. Это является одной из причин, почему концепт «национализирующего государства» Р. Брубейкера неприменим к постсоветской России. Только на современном этапе задачи формирования общей идентичности россиян были официально закреплены в качестве составляющих государственной национальной политики России.

В 2016 г. в рамках государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» была утверждена подпрограмма «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России»⁵.

В декабре 2018 г. Указом Президента РФ в качестве одной из целей государственной национальной политики Российской Федерации впервые было провозглашено «укрепление общероссийской гражданской идентичности». Среди задач национальной политики было выделено «формирование у детей и молодёжи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности».

Соответствующие изменения происходят и на уровне субъектов федерации. В декабре 2017 г. государственная программа Астраханской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на территории Астраханской области» была изменена и переименована в программу «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России на территории Астраханской области».

Современная редакция Стратегии государственной национальной политики РФ дополнена определением, вводящим прямую взаимосвязь между общероссийской гражданской идентичностью и этническим принципом: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации»⁶. Очевидно, что попытка положить в основу общероссийской идентичности культурную доминанту русского этноса, которая при этом объявляется «присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию», открывает новую страницу в национальной политике страны. Эта новация не только демонстрирует поворот к доктрине примордиализма, но и впервые за многие десятилетия вводит «русский вопрос» в качестве приоритета государственной политики.

Для российской государственной политики идентичности характерна высокая степень непоследовательности даже в наиболее фундаментальных компонентах. В частности, концепт «общероссийской гражданской идентичности» пришёл на смену понятию «единство российской нации», которое ещё несколько лет назад было главным ориентиром российской государственной политики в этом направлении, но на современном этапе почти забыто. Сохраняет свою актуальность и высказанное несколько лет назад замечание, что в России отсутствует единая стратегия оснований «политики идентичности» (примордиализм – конструктивизм) [1].

⁵ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

⁶ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881/.

Достаточно давно звучат замечания, что в России реализуются *технологии предписанной идентичности* [1]. Однако изменения в нормативно-правовых актах 2016–2018 гг. не только укрепляют эту характеристику, но и позволяют говорить о *политике декларации идентичности*. Провозглашение определённой «общероссийской гражданской идентичности» выражено в официальных документах гораздо ярче, чем собственно механизмы и меры, которые могли бы её обеспечить. Отсюда возникает вероятность, что декларация идентичности может заменить реальную деятельность по её формированию. Анализ официальных документов позволяет сделать вывод, что содержание государственной политики идентичности касается только вопросов образования, но и здесь по большей части сводится к декларированию идентичности.

Предварительная оценка рассмотрения возможностей государства как субъекта формирования идентичности позволяет сделать вывод о наличии целого комплекса масштабных исследовательских проблем. В современном государственном управлении нередки случаи, когда практика опережает науку, но по отношению к вопросу об участии государства в политике формирования идентичности объём отсутствующих научных знаний настолько велик, что это представляет серьёзную угрозу для эффективности государственного управления.

Практический исторический опыт целенаправленного государственного участия в процессах формирования национальной идентичности может быть оценён как незначительный. Отсутствие теоретических знаний о моделях, методах и формах государственной политики в сфере формирования идентичности является препятствием для корректного определения целей и стратегии управленческих усилий в данном направлении. Наибольшая практическая сложность заключается в определении конкретных мер и индикаторов.

Список литературы

1. Вилков, А. А. Технологии формирования политической идентичности в современной России / А. А. Вилков, Ю. В. Зевако // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2012. – Вып. 4, т. 12. – С. 62–71.
2. Задворная, Е. С. Институционализация образа Японии в государственном внешнеполитическом дискурсе / Е. С. Задворная // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 114–121.
3. Климентьев, М. Путин рассказал, что необходимо для формирования российской идентичности / М. Климентьев. – Режим доступа: <https://ria.ru/20161031/1480385683.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения 20.06.2019).
4. Комаровский, В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски / В. С. Комаровский // Власть. – 2015. – Т. 23, № 3. – С. 20–27.
5. Куква, Е. С. Формирование российской национальной идентичности: от дискурсивных к социальным практикам / Е. С. Куква // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – Вып. 2. – С. 22–26.
6. Лукин, В. Н. Формирование идентичности как государственная задача / В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко // Credo New. – 2018. – № 1.
7. Попова, О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России / О. В. Попова // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 173–194.
8. Санина, А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход / А. Г. Санина // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 57–65.
9. Сморгун, Л. В. Политическая идентичность и понятие политического / Л. В. Сморгун // ПОЛИС. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 178–185.
10. Almond, G. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G. Almond, S. Verba. – Princeton University Press, 1963.
11. Brubaker, R. Nationalizing states in the old 'New Europe' – and the new / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – 1996. – Vol. 19, iss. 2. – P. 411–437.
12. Brubaker, R. Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – 2011. – Vol. 34, iss. 11. – P. 1785–1814.
13. Greenfeld, L. Nationalism: Five Roads to Modernity / L. Greenfeld. – Cambridge : Harvard University Press, 1992.
14. Kuzio T. 'Nationalising states' or nation-building? a critical review of the theoretical literature and empirical evidence / T. Kuzio // Nations and Nationalism. – 2001. – Vol. 7. – P. 135–154.
15. Ortmann, S. Singapore: The Politics of Inventing National Identity / S. Ortmann // Journal of Current South-east Asian Affairs. – 2009. – Vol. 28, iss. 4. – P. 23–46.
16. Slocum-Bradley, N. Identity Construction in Europe: A Discursive Approach / N. Slocum-Bradley // Identity. – 2010. – Vol. 10, iss. 1. – P. 50–68.

17. Fukuyama, F. *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition* / F. Fukuyama. – London : Profile Books, 2018.

18. Scherr, A. *The Construction of National Identity in Germany: "Migration Background" as a Political and Scientific Category* / A. Scherr // RCIS Working Paper No. 2013/2, Ryerson Centre for Immigration & Settlement. – Toronto, 2013.

References

1. Vilkov A. A., Zevako Yu. V. *Tekhnologii formirovaniya politicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii* [Technologies of formation of political identity in modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [News of the Saratov University. Series "Sociology. Political science"], 2012, issue 4, vol. 12, pp. 62–71.

2. Zadornaya Ye. S. *Institutsionalizatsiya obraza Yaponii v gosudarstvennom vneshnepoliticheskom diskurse* [Institutionalization of the image of Japan in the state foreign policy discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4 "History. Regional studies. International relationships"], 2016, no. 3, pp. 114–121.

3. Klimentev M. *Putin rasskazal, chto neobkhodimo dlya formirovaniya rossiyskoy identichnosti* [Putin told that it is necessary for the formation of the Russian identity]. Available at: <https://ria.ru/20161031/1480385683.html> (Accessed: 20.06.2019).

4. Komarovskiy V. S. *Formirovaniye natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti Rossii: vyzovy i riski* [Formation of the national-state identity of Russia: challenges and risks]. *Vlast* [Power], 2015, vol. 23, no. 3, pp. 20–27.

5. Kukva Ye.S. *Formirovaniye rossiyskoy natsionalnoy identichnosti: ot diskursivnykh k sotsialnym praktikam* [Formation of the Russian national identity: from discursive to social practices]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adygea State University. Series 1 "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies"], 2011, vol. 2.

6. Lukin V. N., Musiyenko T. V. *Formirovaniye identichnosti kak gosudarstvennaya zadacha* [Identity formation as a state task]. *Credo New*, 2018, no. 1.

7. Popova O. V. *Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoy Rossii* [Identity models of political actors in modern Russia]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2018, no. 2, pp. 173–194.

8. Sanina A. G. *Formirovaniye rossiyskoy identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyy podkhod* [Formation of Russian identity: a civil-state approach]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Case studies], 2012, no. 12, pp. 57–65.

9. Smorgunov L. V. *Politicheskaya identichnost i ponyatiye politicheskogo* [Political identity and the concept of the political]. *POLIS. Politicheskkiye issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2012, no. 6, pp. 178–185.

10. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press, 1963.

11. Brubaker R. *Nationalizing states in the old 'New Europe' – and the new*. *Ethnic and Racial Studies*, 1996, vol. 19, iss. 2, pp. 411–437.

12. Brubaker R. *Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states*. *Ethnic and Racial Studies*, 2011, vol. 34, no. 11, pp. 1785–1814.

13. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Harvard University Press, 1992.

14. Kuzio T. *'Nationalising states' or nation-building? a critical review of the theoretical literature and empirical evidence*. *Nations and Nationalism*, 2001, vol. 7, pp. 135–154.

15. Ortman S. *Singapore: The Politics of Inventing National Identity*. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2009, vol. 28, iss. 4, pp. 23–46.

16. Slocum-Bradley N. *Identity Construction in Europe: A Discursive Approach*. *Identity*, 2010, vol. 10, iss. 1, pp. 50–68.

17. Fukuyama F. *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London, Profile Books, 2018.

18. Scherr A. *The Construction of National Identity in Germany: "Migration Background" as a Political and Scientific Category*. *RCIS Working Paper No. 2013/2, Ryerson Centre for Immigration & Settlement*. Toronto, 2013.